

Щепкинъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться со всѣми своею радостью.

Вотъ онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ увѣдомленія Лыковой о рѣшеніи Барсова на счетъ его участія въ завтрашнемъ спектаклѣ.

Прошло два мучительныхъ часа его ожиданія, отвѣта нѣтъ. Безпокойство переходитъ въ уныніе. Наконецъ, онъ не можетъ долѣе терпѣть и самъ идетъ къ Лыковой. Та отвѣтила ему, что Барсовъ согласенъ, и что онъ скоро пришлетъ Мишѣ пьесу для разучиванія роли. Но Миша не можетъ ждать. Онъ стремглавъ летитъ къ самому Барсову. Тотъ вручилъ ему книгу.

„Выйдя за ворота, я все забылъ, кромѣ того, что завтра играю“, — вспоминаетъ Щепкинъ, — „и, несмотря на то, что шелъ по улицѣ, дорогой началъ учить роль и нѣсколько разъ останавливался, не замѣчая, что прохожіе подсмѣивались надо мной; но я, кромѣ книги, ничего не замѣчалъ, и когда пришелъ домой, то роль была почти уже выучена. Съ какою гордостью показалъ я товарищамъ книгу: „Что“, — говорю, — „смѣялись, не вѣрили? А я вотъ завтра непременно играю“.

Роль онъ выучилъ какъ на зубокъ и читалъ ее всѣмъ въ домѣ, отъ дворецкаго до кучера.

Вечеромъ онъ пошелъ къ Лыковой и прочелъ ей наизусть свою роль. Она осталась очень довольна его чтеніемъ и даже поцѣловала Мишу съ такой добротой, что онъ растрогался до слезъ. Видя его плачущимъ, она съ изумленіемъ спросила:

— Что съ тобой?